

Животное, которым я (не) являюсь: Маркс, мыслитель субъективности

АРТЕМ МОРОЗОВ

Младший научный сотрудник, сектор социальной философии,
Институт философии РАН (ИФРАН). Адрес: 109240, Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. E-mail: cmpelok@gmail.com.

Ключевые слова: марксизм; нефилософия; животное;
субъективность; данность; утопия; Мишель Анри;
Франсуа Ларюэль; Катерина Колозова.

Статья строится вокруг обсуждения главы Франка Руды из сборника «Читать Маркса», в которой предлагается рассматривать историю эмансипационной мысли как ряд примечаний к платоновской аллегории пещеры. Наиболее близок к Платону при этом оказывается Маркс, рассматривавший освобождение как выход из не- или дочеловеческого состояния. Согласно Руде, критика капитализма должна основываться на опровержении «мифа о данном», который он отождествляет с идеологической операцией натурализации. Капиталистическая натурализация, опирающаяся на абстракцию и абстрагирование от абстракции, ведет к тому, что рабочий оказывается редуцирован до состояния животного. Однако это странное животное, не имеющее отношения к действительно животным, и потому его следовало бы назвать «неживотным». Выход же из пещеры заключается в осознании того, что за фигурой неживотного не скрывается неотчужденной субстанции и что за пределами пещеры не находится положительной утопии, — напротив, путь лежит к Реальности самих теней, негативной утопии.

Принимая общую рамку рассуждений Руды, автор статьи тем не менее задается вопросом о том, является ли выдвинутая им интерпретация «новым способом читать Маркса», к которому стремятся авторы сборника. Автор сопоставляет эту интерпретацию с трактовкой наследия Маркса, предложенной Мишелем Анри, и опирающимся на нее проектом немарксизма Франсуа Ларюэля. На их примере показывается, что натурализация может выступать не только предметом, но и методом критики капитализма. Преодоление мифа о безусловном данном у Анри осуществляется с помощью мифа о данном, которое совпадает со своим условием, тогда как, по немарксизму, преодолевать следует миф об условиях данности. Тезис иллюстрируется обличением антропоцентрической направленности критики капитализма, предложенным Катериной Колозовой, которая демонстрирует, что животное оказалось сведено к неживотному точно так же, как человек, и делает вывод об их родовом тождестве в последней инстанции.

ЗА ПАРУ десятилетий до того, как на (передних, по мнению их вольных или невольных поборников) краях современной континентальной философии зазвучали призывы «повернуть к темному», в Европе вышли сразу несколько *черных* книг, посвященных развенчанию того или иного явления. «Черная книга коммунизма» и «Черная книга психоанализа»¹ во Франции изобличали террор и репрессии коммунистических режимов и ненаучность, если ли не полную сфабрикованность, результатов психоанализа. Разумеется, обе не ускользнули от внимания Славоя Жижека, главного фрейдомарксиста современности. С его точки зрения, «глубокая связь марксизма и психоанализа была представлена публично, правда, вот в таком негативном ключе»². Однако факт публикации подобных книг остался для Жижека и многих его коллег внешним по отношению к самим марксизму и психоанализу, поскольку эти работы якобы содержали исключительно консервативную критику, не предлагавшую никаких перспектив, тогда как «у пациента впереди еще долгая жизнь», даже более того — «на самом деле лишь в наши дни настало время для психоанализа»³. И, позволю себе продолжить, — для марксизма, коль скоро «о смерти Маркса было объявлено не раз и не два»⁴, а призрак его по-прежнему бродит по университетским кампусам и столичным площадям.

Но что если констатируемый в «черных книгах» провал марксизма и психоанализа — не просто историческая случайность (мнимая или фактическая), никак не связанная с сутью и содержанием двух «научных континентов» и обусловленная лишь идео-

1. См.: Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. М.: Три века истории, 2001 [1997]; Le Livre noir de la psychanalyse / C. Meyer (dir.). P.: Les Arènes, 2005. См. также номер «Логоса», два блока которого посвящены «Черной книге психоанализа» (первый содержит переводы статей из книги, второй — материалы полемики вокруг нее: Логос. 2010. № 3 (76): «Сопроотивление»: в психоанализе, психоанализу, психоанализа).
2. «Не волнуйтесь, катастрофа обязательно произойдет». Интервью со Славоем Жижекком // Colta.ru. 05.09.2012. URL: <http://archives.colta.ru/docs/5216>.
3. Там же.
4. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. М.: ИД ВШЭ, 2019. С. 10.

логией и конъюнктурой? Что если позднейшим фрейдомарксистским, а точнее, лаканогегельянским синтезам в действительности есть о чем побеспокоиться и над чем задуматься? Спустя три года после выхода «Черной книги коммунизма» Франсуа Ларюэль публикует свое «Введение в немарксизм», где прямо объявляет «провал марксизма» фактом, требующим от нас высокой степени внимания, будучи не чем иным, как плотью от плоти самого марксизма⁵. Неважно, имел ли он в истории место, — провал преследует марксизм при любом раскладе, и нас в любом случае интересует уже не вопрос «что делать?», но, скорее, «что делать с марксизмом?»⁶. Этим вопросом задаются Франк Руда и Агон Хамза, вместе с Жижekom выпустившие в прошлом году монографию: что же делать с марксизмом? «Читать Маркса!» Но как именно? Нужно «найти иные (пока еще неизвестные) способы читать Маркса», нужно «воображаемое, изобретательное, экспериментальное чтение», нужно «произвести нечто неожиданное в самом Марксе и/или получить нечто неожиданное от Маркса»⁷ и т. д. и т. п. Короче говоря, нам требуются *воображаемые марксизмы*, но уже не в пейоративном смысле.

Чтобы выяснить, насколько оправданны претензии на новизну и общие амбиции авторов «Читать Маркса», я собираюсь рассмотреть и сопоставить друг с другом три наброска воображаемого марксизма. Сначала я сосредоточусь на главе Франка Руды «Маркс в пещере» как наиболее удачной и интересной в сборнике и опишу проводимую в ней вслед за Аленом Бадью критику демократического материализма, который также можно назвать капиталистическим натурализмом. Я не буду обсуждать отдельно статьи Жижекa и Хамзы, поскольку они придерживаются той же лаканогегельянской линии и испытали схожее влияние со стороны Бадью, так что эссе Руды можно считать в достаточной степени репрезентативным. Затем я перейду к интерпретации наследия Маркса, опирающейся на понятие жизни, или органической субъективности, которая была предложена феноменологом Мишелем Анри и которую незаслуженно обходят вниманием в марксистской (да и не только) литературе. Я также намечу положения критики, которой наряду с марксизмом и европейской философи-

5. Laruelle F. Introduction to Non-Marxism. Minneapolis: Univocal, 2015. P. 11ff.

6. Ibid. P. 1. Ту же самую операцию, как я собираюсь показать далее, Ларюэль и его нефилософские коллеги (в первую очередь Катерина Колозова) проделывают и в отношении психоанализа, взятого в версии Лакана.

7. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. С. 7, 17, 23.

ей в целом Анри подвергает психоанализ. Наконец, я постараюсь представить немарксистский проект, начатый Ларюэлем, который во многом опирается на прочтение Маркса со стороны Анри (поэтому обзор Анри будет достаточно подробным), и в своем изложении буду ориентироваться главным образом на тексты македонской исследовательницы Катерины Колозовой, в которых поднимается вопрос о том, возможно ли охарактеризовать нестандартный гуманизм Маркса как натурализм и распространить его на других живых существ⁸.

Неживотное: Маркс и троглодиты

Если философия в целом есть набор примечаний к Платону, то почему бы не счесть историю эмансипационной мысли за маргиналии к платоновскому мифу о пещере? Однако такая картина не лишена парадоксальности: чтобы побороть мифологическое сознание и действие, нам требуется еще один миф — миф о мифе. «Освобождение обладает структурой вымысла», — пишет Руда, переименовывая известную формулу Лакана⁹. Не оказываются ли тогда воображение, или вымысел, одним из методов марксизма? Вымысел Платона вызывает здесь особый интерес, поскольку рассматривает освобождение как антропогенез — в точном соответствии с позицией Маркса. Узники пещеры пребывают в буквальном смысле в пещерном состоянии, так что, критикуя наличный общественный порядок (жилище троглодитов), мы подвергаем критике не только производимую им когнитивную дезориентацию (скованные, не в силах покинуть жилище, они смотрят только в одну сторону), но и *собственную* (намеренно сохраняю здесь двусмысленность) натурализацию: тени представляются узникам чем-то вполне естественным, некой данностью, в силу которой сами узники оказываются будто бы существами природными, а не культурными. В конечном счете операции дезориентации

8. Общие положения нефилософии (или нестандартной философии) Ларюэля я рассматривал ранее в обзоре творчества Ника Срничека: Морозов А. Навигация по акселерационизму: от некапитализма к посткапитализму через платформы // Галактика медиа: журнал медиаисследований. 2019. Т. 1. № 2. С. 226–242 (см. особ. 228–233). URL: <http://galacticamedia.com/index.php/gmd/article/view/36>. Читателю также будет полезно ознакомиться с рецензией Ирины Дуденковой на нефилософскую книгу Джона О’Малорки, поскольку в ней затрагиваются темы, имеющие непосредственное отношение к настоящей статье: Дуденкова И. Совершенный нечеловек // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 298–307.

9. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. С. 75.

и натурализации совпадают, то есть перед нами лишь два лика одного явления, а миф, оспариваемый в мифе, — это *миф о* (безусловном) *данном*. Но с какой именно «природой» или «данностью» мы сталкиваемся в настоящий момент?

Применительно к современной ситуации Алан Бадью назвал этот миф демократическим материализмом, или биоматериализмом¹⁰. Его формула проста: существуют только тела и языки. Тела — одинокие человеческие индивиды, которые стремятся к наслаждению, но жизнь которых полна страдания, а потому они больше походят на неприкаянных животных, чем на людей как таковых. «Права человека» — суть не что иное, как права человеческих животных, а языки — все многообразие культур, дискурсов, традиций, привычек и т. п., короче говоря, вторых природ, находящихся в мире на равных правах или, по крайней мере, настойчиво их добывающихся. Разница языков и тел, впрочем, не столь велика: в опыте мы обнаруживаем лишь их смеси, поскольку тела также сконструированы господствующей идеологией, то есть это в равной степени тени, причем непрестанно множась. Вот почему, как пишут Жижек, Руда и Хамза в предисловии, постоянно отодвигаемый капитализмом «предел, а также истина современного мира, как он существует сегодня... есть, по сути дела, обновленная форма варварства»¹¹. Диалектический материализм, выступающий против капиталистической натурализации, в свою очередь, утверждает: да, есть лишь тени, но, *кроме того*, существуют и истины. Тем самым истины выступают исключениями из естественного порядка капитализма, явлением чего-то прежде не данного, указывающим на выход из пещеры. Вот только к чему же мы должны выйти, особенно если учесть, что платоновская аллегория предполагала последующее возвращение к троглодитам? И вероятно, это даже более важный вопрос, поскольку помогает ответить на предыдущий — как производятся сами тени, фантастические абстракции?

Капитализм представляет собой одно «из наиболее изощренных производств теней»¹², поскольку осуществляемая им натурализация — натурализация не просто абстракции, но и абстрагирования от абстракции. Пещерное состояние рабочего в трудах Маркса прочитывается как не- или дочеловеческое, однако сама эта не- или дочеловечность — конструктор капитализма. По-

10. См.: Бадью А. Тела, языки, истины // Скепсис. 2006. URL: http://sceptsis.net/library/id_1974.html.

11. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. С. 16–17.

12. Там же. С. 82.

следний отнюдь не сводит человека к животному в буквальном смысле, то есть к «настоящему» животному. Здесь нет никакой регрессии, напротив, капиталистическая редукция, как утверждает Руда, продуктивна¹³ — рождаемое ею неприкаянное животное прежде в природе никогда не существовало, а потому его следовало бы, скорее, назвать неживотным.

Рабочий редуцируется к животному, поскольку животное не знает чувства обладания, собственность животного совпадает для него с его бытием. Главной же собственностью животного служит тело. Вот только тело, к которому сводится рабочий, — не органическое единство «естественного» животного, а механическая сумма «изолированных частных телесных функций», так что «с позиции рабочего есть только тела и функции»¹⁴. Точнее, поскольку абстракция берет частную функцию и освобождает ее от человеческого контекста, гипостазируя и эссенциализируя ее, на выходе получается, скорее, *россыпь органов без объединяющего их живого тела*: неживая жизнь глотки, желудка, половых органов и т. д. Ими рабочий индивид последовательно и становится, а взятые вместе они представляют собой некий обобщенный живот. Редукция приводит и к изменениям в темпоральности рабочего: будущее всякой частной органической функции лишь воспроизводит его прошлое, время распадается на вереницу мгновений, следовательно, история по сути исчезает, ведь

... в результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д., — а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным¹⁵.

Подобно животному, рабочий не видит собственных ограничений, ему недостает знания о них, а потому он признает свою несвободу за свободу. Именно здесь, однако, наиболее отчетливо проявляется его отличие от животного — это знание ранее у него было, но в силу редуктивной абстракции он его утратил и испытывает нехватку той самой нехватки, которая имеется у животного: «Рабочий не являет-

13. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. С. 89.

14. Там же. С. 97.

15. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1972. Т. 42. С. 91. Цит. по: Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. С. 103.

ся собственником своей собственной нехватки»¹⁶. С другой стороны, по мнению Руды, пытаться искать за фигурой рабочего некую неотчужденную субстанцию с тем, чтобы выйти из пещеры, было бы чрезвычайно наивно. Напротив, сам рабочий — лишь тень среди теней пещеры, в то время как выход из нее прежде всего (и в конечном счете) подразумевает гегельянское по своему духу осознание, что за ее пределами ничего нет: «...есть путь, ведущий от царства теней к чему-то реальному, что не находится вне царства теней, но является Реальным царством самих теней»¹⁷, *негативной утопией* как не-местом и не-миром, исходя из которого мир можно преобразовать, ведь не стоит забывать, что тени — это не пустые, а реальные абстракции (нужно просто уметь их готовить).

В конечном счете, однако, не совсем ясно, как же эта утопия Реального устроена и какими могут быть рецепты. Руда завершает свое изложение ровно в этой точке и выражает надежду, что, стоит нам повернуться от Маркса к Гегелю, чтобы вновь повернуться к Марксу, как у нас «появятся инструменты»¹⁸, чтобы выйти из пещеры, поразмыслить, войти обратно и начать ремонт или по меньшей мере перестановку мебели, отбросив миф о данном, спрятав его в шкафу или на балконе. Не слишком «новый способ читать Маркса», если подумать, коль скоро так в наши дни его читают не только лишь все. Однако если рабочий с его разорванной и расколотой субъективностью — только тень без отбрасывающего ее «реального» предмета, то также неясно, что же именно подвергалось сведению: все рассуждение Руды об абстракции выстраивалось на том факте, что при абстрагировании и эссенциализации частных телесных функций для производства «неживой жизни» (неживотного) капиталистической экономикой и идеологией за борт выкидывался некий «человеческий контекст»¹⁹.

Далее я обращаюсь к Мишелю Анри, — чей ход аргументации при всей разнице их выводов и предпосылок перекликается с рассуждением Руды в наиболее важных аспектах, — за ответом на вопрос, что мог бы представлять собой человеческий контекст субъективности рабочего и можно ли при его концептуальном построении обойтись без гегелевских средств, приводящих к инфляционизму репрезентации и производству Реального как ее дефицита.

16. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. С. 106.

17. Там же. С. 124.

18. Там же. С. 125.

19. Там же. С. 93, 108.

Маркс-без-марксизма: жизнь

Если верно, что историю марксизма во многом можно представить как напряжение между полюсами «Спиноза» и «Фихте» (субстанции и субъекта, догматизма и критицизма)²⁰, то в истории французского марксизма своего рода отсутствующим полюсом (к которому в третьем разделе этой статьи найдется исчезающий медиатор) оказывается Мишель Анри. Спинозизм был представлен Луи Альтюссером и его кругом, в то время как антипод Альтюссера Анри, прямо ориентирующийся на Фихте и его французского последователя — спиритуалиста Мен де Бирана, никакой марксистской школы после себя не оставил. Что, впрочем, неудивительно, поскольку Анри, написавший двухтомник «Маркс»²¹ (1976), и не мог поставить перед собой такую задачу (это первый смысл, в котором «марксизм» Анри, равно как и любой другой, по его мнению, есть нечто воображаемое):

Ни один мыслитель не был столь влиятелен, как Маркс, но ни один не был так плохо понят. Маркс — философ неизвестный. Причины, по которым философская мысль Маркса вплоть до наших дней осталась погруженной во тьму, пусть даже частично, многообразны. Я остановлюсь здесь только на главной из них — на *марксизме*²².

Вопреки школе Альтюссера с ее установкой на симптоматическое чтение «Капитала», то есть следование не букве, а, скорее, вытесненному духу текстов Маркса, Анри предпринял нечто прямо противоположное, попытавшись скрупулезно восстановить собственную философию Маркса. Во всяком случае такова была цель, открыто им декларируемая, поскольку в конечном счете Маркс в его прочтении (и подобно ему самому) оказался не кем иным, как феноменологом жизни и воплощенной субъективности (вот второй смысл, в котором марксизм Анри оказывается мнимым).

20. См. статью Антона Сюткина «Спасение абсолюта: Шеллинг и другое начало материалистической диалектики» в настоящем номере «Логоса».

21. Я опираюсь на сокращенный английский перевод двухтомника (*Henry M. Marx: A Philosophy of Human Reality*. Bloomington: Indiana University Press, 1983), а также дополняющий его сборник лекций (*Henry M. Marx: An Introduction*. L.: Bloomsbury Academic, 2019; первая лекция была переведена на русский язык: *Анри М. Проникновение в мысль Маркса // Историко-философский ежегодник 2009*. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. С. 229–245).

22. Там же. С. 229 (курсив мой. — А. М.).

И все же обращение Анри к Марксу нельзя назвать внезапным или случайным, а его труд не был лишь скоропалительным выпадом против популярного структуралистского марксизма. К текстам Маркса Анри обратился уже в середине 1960-х годов, тогда же сформулировал в «Философии и феноменологии тела» задачу прочтения Маркса через призму субъективности и телесности, а далее на протяжении десятилетия читал курс лекций, легший в основу двухтомника²³.

Спустя еще десятилетие Анри опубликовал «Генеалогию психоанализа, утраченное начало»²⁴ (1986) — критику фрейдизма (и в меньшей степени Фрейда), разворачивающуюся в контексте истории философии Нового времени, начиная с Декарта. Практически в той же мере, в какой «Маркс» был направлен против Альтюссера, «Генеалогия» была реакцией против Лакана и его окружения, хотя и не столь явной, и потому вполне закономерно, что оба труда оказались основательно позабыты. Возможно, впрочем, что они были обречены на читательский провал задолго до этого. Вот, к примеру, что говорит Микель Борх-Якобсен, на которого, как и на его соавтора по той самой «Черной книге психоанализа» Франсуа Рустанга, труды Анри оказали колоссальное влияние:

Когда в 1963 году вышла «Сущность манифестации», великолепнейшая 900-страничная работа, Лакан незамедлительно поднял ее на смех, из-за чего целых два десятка лет никто попросту не читал ни строчки из Анри²⁵.

Иронии этой ситуации придает тот факт, что субъектом фрейдовского бессознательного в «Генеалогии» (в полном соответствии с предшествующими трудами Анри) оказывается *cogito*, пусть даже Анри прочитывает Декарта совершенно иначе, нежели Лакан, а в «Марксе» он, подобно Альтюссеру, отстаивает решительную антигегельянскую трактовку, хотя и выступает при этом против тезиса об эпистемологическом разрыве.

Анри начинает «Сущность манифестации» с критики того, что он называет онтологическим монизмом западной филосо-

23. См.: Гущина Т. Г. Мишель Анри. Путь философа // Историко-философский ежегодник 2009. С. 223–224.

24. Henry M. The Genealogy of Psychoanalysis. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993.

25. Basta Così!: Mikkel Borch-Jacobsen on Psychoanalysis and Philosophy. Interview by Chris Oakley // Returns of the “French Freud”: Freud, Lacan, and Beyond / T. Dufresne (ed.). L.: Routledge, 1997. P. 221.

фии — сведения субъективности к простой направленности на мир, к «трансценденции мира»²⁶. Если всякое сознание есть «сознание о», то сущностью манифестации оказывается простая репрезентация — из философской мысли исторгается «сама идея рецепции, которая бы сущностно не была рецепцией внешнего содержания», а вместе с ней и вопрос об условиях явленности самой явленности²⁷. Если не будет явлена явленность, которой являются явления, то что останется? Причем явленность эта должна быть явлена себе, чтобы могли быть внешние явления, а значит, способ ее явленности отличается от такового у последних. Несмотря на то что его замечания направлены в первую очередь против гуссерлевской феноменологии и ее наследников, с точки зрения Анри, на тезис об интенциональности или экстатической структуре сознания так или иначе опиралась всякая философия, в том числе, как он покажет двадцать лет спустя, психоанализ, коль скоро его «генеалогия» является сугубо философской.

Итак, философия якобы не допускала мысли, что данное может быть дано как-то иначе, не интенционально, и не единожды, а дважды. Причем первая данность — интериорная, принадлежащая самосознанию, совпадающая с тем, что она дает, чистое гилетическое ощущение — выступит условием второй, экстериорной и «мирской». Нерепрезентативная данность, совпадающая с данным, есть не что иное, как пассивность, *pathos*, первичное страдание, а поскольку она дается себе, то представляет собой автоаффективность. Поскольку же всякая трансцендентность в качестве основания явленности отвергается, речь вместо нее идет о радикальной имманентности эго, или жизни.

В «Генеалогии» Анри критикует последователей Фрейда за упущение аффективного момента и вытекающее из него сведение первичного процесса — первой данности — ко вторичному: от тезиса о том, что вытеснению подвергаются репрезентации, и в самом деле недалеко до утверждения, что бессознательное структурировано подобно языку. Сам Фрейд, однако, придерживался двойственной позиции, поскольку вытеснению в его теории подвергались и аффекты, а потому истиной фрейдовского бессознательного, если отставить в сторону метафизику представления, в конечном счете должно стать не что иное, как картезианская

26. Henry M. The Essence of Manifestation. The Hague: Nijhoff, 1973. P. 89.

27. Ibid. P. 237.

субъективность. Дело в том, что в прочтении Анри декартовское *a certe videre videor* оказывается вовсе не простым свидетельством рефлексивного удвоения субъекта, а отображением двух актов сознания (собственно зрения — и ощущения того, что я вижу), один из которых, сам будучи ни на что направленным, вложен в другой, являясь при этом его основанием, не подлежащим сомнению.

Как же это соотносится с философией Маркса? В отличие от Альтюссера, который разделял тексты Маркса диахронически, Анри разделяет их синхронически: есть тексты Маркса-философа, а отдельно от них — уже тексты Маркса-политика, и путать их ни в коем случае не следует, пускай никто из них никогда не был гегельянцем. Такова третья причина, по которой «марксизм» Анри можно было бы назвать воображаемым, поскольку, исходя из этого разделения, он приходит к поразительным на первый взгляд выводам, противоречащим всему тому, что мы, казалось, знаем о Марксе:

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». Я утверждаю, что это высказывание, взятое во всей строгости, для Маркса-философа не может иметь никакого смысла. Чтобы такое утверждение имело смысл, прежде всего необходимо, чтобы существовало нечто такое, как история²⁸.

История, о которой Маркс ведет речь в «Манифесте коммунистической партии», тексте политическом, — попросту абстракция. Она вовсе не является «особой личностью, метафизическим субъектом» в духе Гегеля, и сама «не делает ничего» («Святое семейство»): за ней стоит «существование живых человеческих индивидов» («Немецкая идеология»)²⁹.

Реальна именно жизнь индивидов, их деятельность, а потому ровно такими же абстракциями выступают «общество», «экономика», «класс», «производство» и т. п. Нравится нам это или нет, но в строгом смысле слова мы *не* живем в обществе. Однако мы вполне можем проследить трансцендентальный генезис репрезентации, которой являются общество и экономика. По утверждению Анри, всякий раз, когда Маркс в философских текстах упоминает слово «материальное», конечным его значением оказывается «субъективное». Марксовская материя — материя гиле-

28. Анри М. Проникновение в мысль Маркса. С. 231.

29. Цит. по: Там же. С. 231–232.

тическая в феноменологическом смысле, она принадлежит первичному ощущению как основе живого труда, представляющего собой, по выражению Маркса, взаимосвязь многочисленных «возможностей деятельности».

Жизнь как жизнь каждый раз индивидуальная есть субъективное единство самих этих субъективных возможностей, которые принадлежат индивиду на правах собственности, которые определяют его изначальное бытие и желаемы им, которые являются его потребностями³⁰.

Жизнь в сообществе состоит в обмене трудами, однако, поскольку живой труд невозможно измерить, в результате разделения труда на частные функции жизнь постепенно замещается экономикой как системой абстрактных количественных эквивалентов. Иными словами, надстройки стали автономными и начали подвергаться ограничениям собственной реальной базис: если угодно, то в обществе мы не живем. Движение замещения, забвения или, скорее, *затенения* человеческой жизни экономикой и политикой капитализма Анри, подобно Руде и соавторам, называет варварством. Дело не в том, что капитализм полностью забывает жизнь: напротив, он признает ее в качестве источника всякой ценности или стоимости, забвение же происходит за счет гиперконцентрации внимания на жизни, которая приводит к искажению ее формы и контекста (демократический материализм). Мы не укрылись в пещерах от некоей катастрофы — наше укрытие и есть сама катастрофа.

Альтернативой же капитализму выступает вовсе не коммунизм, который, по мнению Анри, точно так же повинен в растворении индивида в коллективных абстракциях³¹, а социализм: не столько политический, сколько метафизический проект по устранению разделения труда. Из пещеры мира есть только один выход — в утопию радикальной имманентной жизни. Вопрос состоит лишь в том, может ли такой проект быть в принципе завершен, если трансцендентальная культура жизни, борющейся с варварством, оказывается чем-то вроде подполья. И не окажется ли при этом выход своего рода аутизмом жизни абсолютно нерасколото-го и неразорванного эго, коль скоро Анри, в отличие от Руды, так

30. Анри М. Проникновение в мысль Маркса. С. 243.

31. Вдохновитель авторов «Черной книги психоанализа», вероятно, подписался бы и под многими заявлениями из «Черной книги коммунизма». См. подробнее: Henry M. Barbarism. L.; N.Y.: Continuum, 2012; *Idem*. From Communism to Capitalism: Theory of a Catastrophe. L.: Bloomsbury, 2014.

рьяно отвергает абстракцию, рассматривая ее главным образом как пустую, а не реальную операцию, и в своем опровержении капиталистического мифа о безусловном данном прибегает к мифу о данном, совпадающем со своим условием?

Немарксизм: пережитое-без-жизни

Мысль Анри, направленная против Альтюссера и Лакана, не снизила большого числа сторонников за пределами его родных феноменологических кругов, однако сейчас интерес к ней растет, во многом благодаря активной публикации переводов книг Франсуа Ларюэля. Если Альтюссер воплощал собой французский спинозизм, а Анри — фихтеанство, то Ларюэль³² открыто намеревался наложить их друг на друга во «Введении в немарксизм». Вовсе не собираясь привести позиции Альтюссера и Анри к синтезу, Ларюэль желал показать их заведомое *тождество* «с точки зрения» Единого (Реального, базиса или последней инстанции). То же самое применимо и к сочетанию Лакана и Анри. В отличие от большинства современников, Ларюэль не обошел вниманием «Генеалогию психоанализа», более того, он даже поставил ее в один ряд с такими критиками фрейдизма, как «Анти-Эдип» Делёза и Гваттари, «Либидинальная экономика» Лиотара и «История сексуальности» Фуко³³. Далее я постараюсь показать, почему мысль Анри, которую с легкостью можно было бы счесть наивной в философском отношении, оказывается столь притягательной для нефилософов наподобие Ларюэля или Колозовой.

32. Следует отметить, что свою дополнительную докторскую диссертацию Ларюэль посвятил Феликсу Равессону, который в рамках французского спинуализма занимал место, сходное с позицией Шеллинга, примирявшего спинозизм и фихтеанство. Факт решающего влияния творчества Равессона не только на раннюю «Философию I» (по периодизации самого Ларюэля), но и на позднюю нефилософию («Философии II–V») убедительно доказывает Винсент Ле: *Le V. The Origins of Laruelle's Non-Philosophy in Ravaissan's Understanding of Metaphysics* // *Labyrinth*. 2018. Vol. 20. № 1. P. 5–22. См. также монографию Джона О'Малорки (ранее — Малларки), где тот возводит философии Делёза, Анри, Бадью и Ларюэля к их отечественным истокам — Бергсону, Мен де Бирану, Декарту и Равессону соответственно: *Mullarkey J. Post-Continental Philosophy: An Outline*. L.: Continuum, 2006.

33. *Laruelle F. The Concept of Generalized Analysis or of "Non-Analysis" // Speculative Heresy*. 15.06.2013. URL: <http://speculativeheresy.wordpress.com/2013/06/15/translation-of-laruelles-the-concept-of-generalized-analysis-or-of-non-analysis/>.

Приставка «не-» в нефилософии чуть ли не в каждом комментарии к Ларюэлю объясняется так: перед нами нефилософия в том же самом смысле, в каком «негеометрией» можно было бы назвать геометрию неевклидову — речь идет не об отрицании, а об обобщении. Очевидно, однако, что такое объяснение ничуть не проясняет употребления приставки, ведь не говорим же мы и в самом деле о негеометрии³⁴. Более резонно было бы предположить, что Ларюэль наследует Гастону Башляру («Философия „не“») и радикализирует его ход, подвергая двойной генерализации, выводя употребление приставки за пределы философии науки, а затем обобщая уже само ее применение (получаем не только немандельбровтовскую фрактальность, но и ее неэпистемологию). Вместе с тем, учитывая страсть Ларюэля к чрезвычайно смутным математическим аналогиям и его недавнее обращение к категориям воображаемого, мнимого и фикации, стоило бы вспомнить в таком случае, что собственную неевклидову геометрию Лобачевский называл воображаемой, и нефилософия окажется воображаемой философией (фило-фикцией как «производством утопий из философских или прочих материалов»³⁵), а немарксизм — воображаемым марксизмом.

Воображение служит здесь актом приостановки, в случае немарксизма — подвешивания претензий марксизма на (само)достаточность, воплощаемых в принципе достаточной экономии капитализма и его властных претензий на всеохватность объяснения: экономии как в смысле действительной экономики и ее науки (исторический материализм), так и экономики философского рода, будь то «общая», «либидинальная» и т. п., которая в конечном счете оказывается разновидностью диалектики, гегелевской или же нет, и с которой первая постоянно смешивается (диалектический материализм). В то же время нефилософию особенно притягивает фигура Маркса-без-марксизма, Маркса в отрыве от его рецеп-

34. По этой причине, а также в силу вызванного им — вполне понятно — раздражения со стороны многих философов Ларюэль на данный момент предпочитает называть свой проект не нефилосoфией, а «нестандартной философией». Однако это наименование остается не слишком популярным у его последователей и последовательниц, что порой приводит к комичным последствиям: к примеру, Катерине Колозовой совсем недавно пришлось объяснять своим коллегам в фейсбуке, что «немарксистская критика» в подзаголовке ее свежевшедшей книги (*Kolozova K. Capitalism's Holocaust of Animals: A Non-Marxist Critique of Capital, Philosophy and Patriarchy. L.: Bloomsbury, 2019*) означает вовсе не отрицание марксизма.

35. *Laruelle F. Struggle and Utopia in the End Times of Philosophy. Minneapolis: Univocal, 2012. P. 12.*

ций, поскольку в какой-то степени он одним из первых собирался реализовать нефилософский проект — построить объединенную теорию науки и философии, которая не была бы их смешением и тем самым предоставила бы критику философско-капиталистического авторитаризма и производимой им пещеры. Это смешение в его творчестве, по словам Ларюэля, все-таки произошло (Маркс оказался не только немарксистом, но и марксистом), чем, помимо прочего, и объясняется «провал» марксизма, и как раз поэтому возврат к Марксу оказывается столь насущной задачей.

Наиболее непосредственным образом этот возврат осуществляет Катерина Колозова. Подобно Анри, она обращается к пристальному прочтению «философских» сочинений Маркса и уделяет особое внимание специфике его словоупотребления. Так, говоря о реальности, Маркс чаще всего характеризует ее как нечто «физическое» и «чувственное». Более того:

Важно отметить, что в первом томе «Капитала», вопреки инертным догматическим марксистским прочтениям, Маркс прибегает к понятиям «реального» и «жизни» практически всякий раз, когда мы ожидали бы увидеть в тексте слово «материя» или «материальное»³⁶.

Реальность рабочего для Маркса составляют «интересы»³⁷, сходные с «потребностями» Анри, которые с необходимостью являются чем-то про- или переживаемым рабочим и которые так же неотвратно искажаются фетишизмом экономических абстракций. Это позволяет отождествить марксовское «реальное» с Реальным или Единым, как оно концептуализируется в ларюэлевской нефилософии. Реальное отлучено от мышления (языка, означивания и т. п.; *forclusion du Réel*), оно никак им не определяется и с ним не соотносится, в том числе и негативно (например, как дефицит, производимый гиперинфляцией означающих). Единственное отношение, которое может поддерживаться между Реальным и мыслью, — одностороннее, унилатеральное: с ним соотносит себя философия, само же Реальное в это отношение не вступает и сохраняет безразличное не-отношение. Однако именно такое безразличие позволяет Реальному (детерминированному в себе, пускай и не вполне) служить детерминацией-в-последней-ин-

36. Kolozova K. Toward a Radical Metaphysics of Socialism: Marx and Laruelle. Brooklyn, NY: punctum books, 2015. P. 3.

37. См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. [Первая рукопись:] Заработная плата.

станции для трансцендентальной философии и формируемого ею эмпирического мира (как корреляции бытия и мышления), которым в настоящий момент выступает капитализм. И невыразимость Реального вовсе не исключает его выражений — нефилософией предполагается, скорее, что она заключается в его бесконечной (*infinite*), точнее, неопределенной (*indefinite*) выразимости, а потому у Реального оказывается множество имен или символов, включая понятие «Реальное», заимствуемых из философии посредством операции «трансцендентального обеднения», или *радикализации* (отметим здесь специфическую марксовскую коннотацию), понятий³⁸.

Одно из таких понятий — данное. Чтобы сделать его понятием, «аффицированным Реальным», требуется подвергнуть унилатеризации пару данное/данность: по выражению Ларюэля, Реальное оказывается *данным-без-данности*³⁹. Несколько упрощая, его можно было бы представить как непосредственное и безусловное данное, имманентно переживаемое человеком и минующее все трансцендентальные инстанции данности, поскольку оно детерминирует эти относительно автономные механизмы надстройки, выступая последней инстанцией в смысле Альтюссера. Для Ларюэля безусловное данное — не миф; мифом (но мифом необходимым), скорее, выступают как раз операции данности. Во многом роль Реального схожа с первичной данностью, или жизнью. Анри, и вслед за ним нефилософы, также полагает, что экономика не может оставаться последней инстанцией, поскольку сама детерминируется Реальным.

Тем не менее построения Анри, с точки зрения Ларюэля, чересчур абсолютны и недостаточно радикальны. Анри не выдерживает позицию радикальной пассивности жизни, когда говорит о ней как об *автоаффективности*, то есть в его концепцию контрабандой вторгается самодостаточность, которую Ларюэль стремится избежать, поскольку она грозит аутизмом эго, о котором я писал

38. См. подробнее: Kolozova K. Thinking the Political by Way of “Radical Concepts” // International Journal of Žižek Studies. 2009. Vol. 3. № 1. URL: <http://zizekstudies.org/index.php/IJZS/article/view/135/135>. До некоторой степени стратегия нефилософии здесь близка в том числе и «положительной философии» Шеллинга.

39. В контексте настоящей статьи перевод Алексея Гараджи представляет не совсем удовлетворительным в силу двусмысленности «данности» как операции и результата операции, хотя им верно ухватывается второй смысл *donation*, отсылающий к операции дарения. См.: Ларюэль Ф. Словарь нефилософии // Синий диван. 2013. № 18. С. 11–12 («Данность-без-дарения»).

выше. Хотя Ларюэль разделяет неприятие мира Анри (что отдаляет их понимание имманентности, например, от делёзовского), мир и его абстракции следует не яростно отвергать в пользу истинной жизни, а сохранять безразличие, сходное с индифферентностью Реального. Так, по аналогии с данным-без-данности, Реальное можно назвать *пережитым-без-жизни* или, если перейти на отвергаемый Анри язык лакановского психоанализа, *joui-sans-jouissance*.

Соглашаясь по многим пунктам с интерпретацией картезианского субъекта, данной Анри, Ларюэль также вносит в нее коррективы исходя из своего прочтения Лакана. Дело в том, что и самоидентификационное живое эго, и расколотый лингвистический субъект не могут охватить собой весь «человеческий контекст» и тем самым выступить в роли инструментов критики, поскольку оба приводят к дисбалансу, сбивке прицела: эго исключает положительную роль абстракции, исторгает репрезентацию из Реального, в котором они «в конечном счете» находятся, а лакановский субъект как концепт не учитывает детерминацию со стороны интересов рабочего, переживаемых им в аффективном регистре. Требуется построение некартезианской теории субъективности⁴⁰, которая выступила бы объединенной теорией эго и субъекта, подвергающей их унилатерализации. Радикализация неотчужденного живого эго приводит к использованию его в качестве синонима Реального, или недоопределенного, базиса, в то время как радикализация субъекта вписывает его в эго как инстанцию отчужденности, обладающей относительной автономией, так что неделимое эго содержит в себе субъективный раскол в качестве одного из аффектов.

Иными словами, если ограниченным бессознательным капиталистического субъекта оказывается нехватка (в форме нехватки нехватки, отличающей его от животного, согласно Руде), то имманентным аффектом обобщенного бессознательного — некапиталистического эго — будет абсолютная потеря (*la perte absolue*), то есть потеря, которая теряет себя (*la perte qui se perd elle-même*)⁴¹ до конца, а не останавливается на полпути в неживотном состоянии. Сначала мы оказываемся в пещере, будучи одной из ее составляющих, и ищем выход (Руда), потом выбираемся из нее в утопию имманентности, избавленную от мира (Анри),

40. См.: Laruelle F. Principles of Non-Philosophy. L.: Bloomsbury Academic, 2013. Ch. 3.

41. Laruelle F. The Concept of Generalized Analysis or of “Non-Analysis”. С некоторой долей юмора оба выражения можно было бы перевести фразой «потеря потерь».

и, наконец, возвращаемся обратно, осознав, что нас там никогда и не было, потому что не мы были брошены в мир, но мир был брошен перед нами, извечными странниками или чужаками (нестандартный марксизм).

Колозова принимает весь ход рассуждений Ларюэля, однако ее, как и многих критиков Ларюэля, беспокоит вопрос: почему он ведет речь только о человеке? Быть может, нестандартный гуманизм Маркса, который опирается на своеобразный натурализм аффективности, можно распространить и на других существ?⁴² Ведь даже если оставить в стороне соображения общего плана, исходящие из ставшей ныне уважаемой критики антропоцентризма, и ориентироваться лишь на этику аффекта, нетрудно заметить, что при капитализме *животные тоже работают*. Они тоже оказываются сведены к нечеловеческому и неживотному состоянию, поскольку их физическое единство, будь то единство телесных функций или потенциалов жизнедеятельности, подвергается разделению и абстракции, а их досуг или отдых столь же жалок, как и наш. Возможно, животные и не способны к обмену, как говорит Маркс, чем *решительно* отличаются от человека, однако в текущей ситуации все более явственной становится их родовая и жертвенная тождественность ему. От нее вполне можно было бы попытаться увернуться, указав, к примеру, на истоки аффективного и постгуманистического поворотов континентальной теории в идеологии демократического материализма⁴³, и все же любая такая попытка будет отдавать идеалистическим высокомерием, если не скотством.

Библиография

- «Не волнуйтесь, катастрофа обязательно произойдет». Интервью со Славоем Жижекком // Colta.ru. 05.09.2012. URL: <http://archives.colta.ru/docs/5216>.
Анри М. Проникновение в мысль Маркса // Историко-философский ежегодник 2009. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. С. 229–245.
Бадью А. Тела, языки, истины // Скепсис. 2006. URL: http://sceptesis.net/library/id_1974.html.

42. См.: Kolozova K. Capitalism's Holocaust of Animals.

43. Что было бы оправданным ходом, особенно если учитывать уравнение Бадью «демократический материализм = постмодернизм» (Бадью А. Тела, языки, истины). Однако нельзя игнорировать и то обстоятельство, что постгуманизм пытается работать с парами «природа — культура», «тела — языки» иначе, нежели постмодерн. См. подробнее: Павлов А. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–36.

- Гущина Т. Г. Мишель Анри. Путь философа // Историко-философский ежегодник 2009. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. С. 219–228.
- Дуденкова И. Совершенный нечеловек // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 298–307.
- Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. М.: ИД ВШЭ, 2019.
- Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. М.: «Три века истории», 2001.
- Ларюэль Ф. Словарь нефилософии // Синий диван. 2013. № 18. С. 7–30.
- Логос. 2010. № 3 (76): «Спротивление»: в психоанализе, психоанализу, психоанализа.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Издательство политической литературы, 1972. Т. 42.
- Морозов А. Навигация по акселерационизму: от некапитализма к посткапитализму через платформы // Галактика медиа: журнал медиаисследований. 2019. Т. 1. № 2. С. 226–242. URL: <http://galacticamedia.com/index.php/gmd/article/view/36>.
- Павлов А. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–36.
- Basta Cosil: Mikkel Borch-Jacobsen on Psychoanalysis and Philosophy. Interview by Chris Oakley // Returns of the “French Freud”: Freud, Lacan, and Beyond / T. Dufresne (ed.). L.: Routledge, 1997. P. 209–228.
- Eppert N. (Black) Non-Analysis: From the Restrained Unconscious to the Generalized Unconscious // Labyrinth. 2017. Vol. 19. № 2. P. 86–101.
- Henry M. Barbarism. L.; N.Y.: Continuum, 2012.
- Henry M. From Communism to Capitalism: Theory of a Catastrophe. L.: Bloomsbury, 2014.
- Henry M. Marx: A Philosophy of Human Reality. Bloomington: Indiana University Press, 1983.
- Henry M. Marx: An Introduction. L.: Bloomsbury Academic, 2019.
- Henry M. The Essence of Manifestation. The Hague: Nijhoff, 1973.
- Henry M. The Genealogy of Psychoanalysis. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993.
- Kolozova K. Capitalism’s Holocaust of Animals: A Non-Marxist Critique of Capital, Philosophy and Patriarchy. L.: Bloomsbury, 2019.
- Kolozova K. Thinking the Political by Way of “Radical Concepts” // International Journal of Žižek Studies. 2009. Vol. 3. № 1. URL: <http://zizekstudies.org/index.php/IJZS/article/view/135/135>.
- Kolozova K. Toward a Radical Metaphysics of Socialism: Marx and Laruelle. Brooklyn, NY: punctum books, 2015.
- Laruelle F. Introduction to Non-Marxism. Minneapolis: Univocal, 2015.
- Laruelle F. Principles of Non-Philosophy. L.: Bloomsbury Academic, 2013.
- Laruelle F. Struggle and Utopia in the End Times of Philosophy. Minneapolis: Univocal, 2012.
- Laruelle F. The Concept of Generalized Analysis or of “Non-Analysis” // Speculative Heresy. 15.06.2013. URL: <http://speculativeheresy.wordpress.com/2013/06/15/translation-of-laruelles-the-concept-of-generalized-analysis-or-of-non-analysis/>.
- Le Livre noir de la psychanalyse / C. Meyer (dir.). P.: Les Arènes, 2005.
- Le V. The Origins of Laruelle’s Non-Philosophy in Ravaillon’s Understanding of Metaphysics // Labyrinth. 2018. Vol. 20. № 1. P. 5–22.
- Mullarkey J. Post-Continental Philosophy: An Outline. L.: Continuum, 2006.

THE ANIMAL THAT THEREFORE I AM (NOT): MARX AS SUBJECTIVITY THEORIST

ARTEM MOROZOV. Junior Research Fellow, Social Philosophy Department, cmpelok@gmail.com.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (RAS), 12/1 Goncharnaya str., 109240 Moscow, Russia.

Keywords: Marxism; non-philosophy; animal; subjectivity; givenness; utopia; Michel Henry; François Laruelle; Katerina Kolozova.

The article centers on a discussion of Frank Ruda's chapter in the anthology *Reading Marx*, in which he argues that the history of emancipatory thought is a series of footnotes to Plato's Cave. In considering emancipation to be a way out of the non- or pre-human state, Marx becomes the thinker closest to Plato. According to Ruda, a critique of capitalism must be based on the refutation of the myth of the (unconditional) given, which he identifies with the ideological operation of naturalization. Capitalist naturalization dependent on abstraction and abstraction from abstraction ends by reducing the worker to the state of an animal. However, this is a strange animal that has nothing to do with real animals, and therefore should be called a non-animal. The way out of the Cave turns out to be the realization that the figure of the non-animal does not conceal within itself an unalienated substance and that no positive utopia lies beyond the Cave — on the contrary, the path to liberation leads to the Real of the shadows themselves, to a kind of negative utopia.

Accepting Ruda's general line of reasoning, the author of the article nevertheless wonders whether this interpretation that Ruda has put forward is the kind of new way to read Marx to which *Reading Marx* aspires. The author compares this interpretation with one from the Marxist legacy proposed by Michel Henry and with François Laruelle's non-Marxism (which is an extension of Henry's thought). Their example shows that naturalization could be not only a target in the criticism of capitalism but also a method for that criticism. The myth of the unconditional given has been countered by Henry with a myth about the given which coincides with its condition. Then according to non-Marxism, the myth of the givenness conditions is what is to be overcome instead of the myth about the given. That argument is illustrated by Katerina Kolozova's denunciation of the anthropocentric orientation of the critique of capitalism, which holds that the animal has been reduced to the non-animal in capitalism in exactly the same way as human beings have been and draws the conclusion that in the last instance both animal and human are generically identical.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-309-327

References

- “Ne volnuites”, katastrofa obiazatel'no proizoidet”. Interv'iu so Slavoem Žizhekcom [“Don't Worry, Catastrophe Will Happen”. Interview with Slavoj Žižek]. *Colta.ru*, September 5, 2012. Available at: <http://archives.colta.ru/docs/5216>.
- Badiou A. Tela, iazyki, istiny [Bodies, Languages, Truths]. Skepsis [Scepsis], 2006. Available at: http://scepsis.net/library/id_1974.html.
- Basta Così!: Mikkel Borch-Jacobsen on Psychoanalysis and Philosophy. Interview by Chris Oakley. *Returns of the “French Freud”: Freud, Lacan, and Beyond* (ed. T. Dufresne), London, Routledge, 1997, pp. 209–228.

- Courtois S. et al. *Chernaia kniga kommunizma* [Le livre noir du communisme], Moscow, "Tri veka istorii", 2001.
- Dudenkova I. Sovershennyyi nechelovek [Perfect Nonhuman]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2019, vol. 29, no. 3, pp. 298–307.
- Gushchina T. G. Mishel' Anri. Put' filosofa [Michel Henry. Philosopher's Path]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2009* [Historico-Philosophical Annual 2009], Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2010, pp. 219–228.
- Henry M. *Barbarism*, London, New York, Continuum, 2012.
- Henry M. *From Communism to Capitalism: Theory of a Catastrophe*, London, Bloomsbury, 2014.
- Henry M. *Marx: A Philosophy of Human Reality*, Bloomington, Indiana University Press, 1983.
- Henry M. *Marx: An Introduction*, London, Bloomsbury Academic, 2019.
- Henry M. Proniknovenie v mysl' Marksa [Insight into the Marxian Thought]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2009* [Historico-Philosophical Annual 2009], Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2010, pp. 229–245.
- Henry M. *The Essence of Manifestation*, The Hague, Nijhoff, 1973.
- Henry M. *The Genealogy of Psychoanalysis*, Stanford, CA, Stanford University Press, 1993.
- Kolozova K. *Capitalism's Holocaust of Animals: A Non-Marxist Critique of Capital, Philosophy and Patriarchy*, London, Bloomsbury, 2019.
- Kolozova K. Thinking the Political by Way of "Radical Concepts". *International Journal of Žižek Studies*, 2009, vol. 3, no. 1. Available at: <http://zizekstudies.org/index.php/IJZS/article/view/135/135>.
- Kolozova K. *Toward a Radical Metaphysics of Socialism: Marx and Laruelle*, Brooklyn, NY, punctum books, 2015.
- Laruelle F. *Introduction to Non-Marxism*, Minneapolis, Univocal, 2015.
- Laruelle F. *Principles of Non-Philosophy*, London, Bloomsbury Academic, 2013.
- Laruelle F. Slovar' nefilosofii [Dictionnaire de la non-philosophie]. *Sinii divan* [Blue Coach], 2013, no. 18, pp. 7–30.
- Laruelle F. *Struggle and Utopia in the End Times of Philosophy*, Minneapolis, Univocal, 2012.
- Laruelle F. The Concept of Generalized Analysis or of "Non-Analysis". *Speculative Heresy*, June 15, 2013. Available at: <http://speculativeheresy.wordpress.com/2013/06/15/translation-of-laruelles-the-concept-of-generalized-analysis-or-of-non-analysis/>.
- Le Livre noir de la psychanalyse* (dir. C. Meyer), Paris, Les Arènes, 2005.
- Le V. The Origins of Laruelle's Non-Philosophy in Ravaillon's Understanding of Metaphysics. *Labyrinth*, 2018, vol. 20, no. 1, pp. 5–22.
- Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2010, no. 3 (76): "Soprotivlenie": v psikhoanalize, psikhoanalizu, psikhoanalizu ["Resistance": in Psychoanalysis, to Psychoanalysis, of Psychoanalysis].
- Marx K. Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda [Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844]. In: Marx K., Engels F. *Soch.* [Works], Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1972, vol. 42.
- Morozov A. Navigatsiia po akseleratsionizmu: ot nekapitalizma k postkapitalizmu cherez platformy [Navigating Accelerationism: from non-Capitalism to Postcapitalism via Platforms]. *Galaktika media: zhurnal media issledovani*

- [Galactica Media: Journal of Media Studies], 2019, vol. 1, no. 2, pp. 226–242.
Available at: <http://galacticamedia.com/index.php/gmd/article/view/36>.
- Mullarkey J. *Post-Continental Philosophy: An Outline*, London, Continuum, 2006.
- Pavlov A. Postgumanizm: preodolenie i nasledie postmodernizma [Posthumanism: Overcoming of and Inheriting Postmodernism]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2019, no. 5, pp. 27–36.
- Žižek S., Ruda F., Hamza A. *Chitat' Marksa* [Reading Marx], Moscow, HSE, 2019.